

рому или Манасси. Впрочем, исследователь не переоценивает возможности ритмического анализа для определения авторства. Если при общем одинаковом ритмическом уровне прозы Продрома и Манасси типологические отличия в организации текста позволяют считать автором $\Sigma\chi\acute{\epsilon}\delta\omicron\tau$ $\mu\iota\omicron\varsigma$ скорее Манасси, чем Продрома, то отдельные особенности сопоставляемых житий не дают пока возможности дать категорическое заключение об их атрибуции. Отмечу в этой связи, что подчас показатели ритмической организации весьма существенны в этом отношении (ибо они вытекают из имманентной, подознавательной языковой природы авторского стиля и способны как бы обнаружить, «раскрыть» автора помимо его воли), — но лишь в комплексе с другими аргументами.

В связи с разработкой в книге Г. Хунгера анализируемых им сюжетов возникает ряд проблем, касающихся дальнейших исследований. Сам автор подчеркивает необходимость анализа — с предложенных в работе методических позиций — византийских документов, прежде всего

императорских и патриарших актов, проимии которых представляют собой совершеннейшие риторические сочинения. Результаты подобного анализа могут быть интересны при исследовании творческой эволюции того или иного византийского писателя, как это удачно сделано В. Хэравднером в эскизе об Иоанне Киннаме: различия в «организации» материала его юношеского риторического произведения и исторического труда характеризуют изменения, происшедшие в творческой манере писателя.

Наконец, встают и вопросы теоретического порядка. Устанавливая особенности ритмических клаузул у того или иного писателя, имеем ли мы дело со специфической индивидуальной стилистикой или же свойствами самого греческого языка? Иначе говоря, являются ли отмечаемые черты плодом авторских разработок или свойством данного языка вообще? Речь идет о соотношении общезыкового и речевого уровней литературного языка, а это — тема, еще нуждающаяся в углубленном осмыслении.

М. Бибиков

Der byzantinische Bilderstreit. Sozialökonomische Voraussetzungen — Ideologische Grundlagen — Geschichtliche Wirkungen / Hrsg. von I. Irmischer. Leipzig, 1980. 194 S.

Как видно из самого заглавия сборника статей участников Грейфсвальдского коллоквиума, состоявшегося в 1978 г. в ГДР, в книге учеными из ГДР, НРБ, ЧССР и СССР многопланово рассматривается сложный феномен византийской истории и культуры — иконоборческое движение 726—843 гг. Авторы не стремились дать однозначный ответ на вопросы о том, что послужило причиной возникновения этого движения и каковы его корни, но, напротив, старались изучить всю совокупность имеющихся точек зрения и определить то, как отразилось иконоборчество в сочинениях современников, как оно повлияло на историческую ситуацию VIII—IX вв. в целом. Материалы сборника можно условно сгруппировать в три тематических раздела: статьи о непосредственной истории этого движения, статьи, анализирующие некоторые взгляды на возможные причины его возникновения, статьи об отражении иконоборчества в произведениях современников и позднейших поколений.

К первому следует отнести работу Х.-Г. Тюммеля «Византийское иконоборчество. Состояние и перспективы исследования», которой открывается сборник. Тюммель вводит читателя в сложную внутреннюю и внешнеполитическую жизнь Византии в VIII в. (войны с болгарями и арабами, восстание Фомы Славянина, экономический спад, дворцовые интриги). На этом историческом фоне он характеризует существующие концепции возникновения иконоборческого движения. Проанализировав их («иконаборчество — духовная агрессия Востока», «борьба между государством и церковью», «возрождение культа императора» и «армия — важнейший фактор иконоборчества»), Тюммель не принимает целиком какую-либо концепцию, полагая, что движение это только

тогда может рассматриваться в качестве предлога для различных акций (каким оно и было во многих случаях), когда имелись непосредственно широкие иконоборчески настроенные общественные слои. Иными словами, в иконоборческом движении, по Тюммелю, надо учитывать прежде всего настроения самих иконоборцев, осуществлявших попытки возвращения к изначальной христианской общине, в которой иконопочитание являлось вовсе не обязательным. Свое утверждение он подкрепляет анализом «теории образа», высказываний «отцов церкви», сохранившихся вещественных памятников. Важно замечание автора о том, что после поражения иконоборчества иконопочитание становится полноправным и обязательным.

Ко второму тематическому направлению можно отнести статьи В. Брандеса (в соавторстве с Х. Милетой и С. Редель), В. В. Бычкова, К.-Г. Бернгардта, Г. Штрмайера, М. Лооса и М. Шпрингера.

Статья В. Брандеса и его соавторов «Социально-экономическая основа византийского иконоборчества. Вопросы и проблемы» посвящена экономике Византийской империи в исследуемый период. Учитывая взгляды Г. А. Острогорского, М. В. Левченко и К. Н. Успенского на земельные отношения того времени, исследователи самым детальным образом анализируют точку зрения М. Я. Сюжюмова, согласно которой императоры-иконаборцы видели в монастырях прежде всего средоточие денежных ресурсов. Будучи не в состоянии поправить финансовое положение империи путем расширения площади обрабатываемых земель (в силу нехватки рабочих рук), они обратили свои взгляды на монастыри. В Брандес и другие, осознала всю сложность иссле-

дования социально-экономических отношений эпохи иконоборчества (главным образом из-за скудости источников), тем не менее придерживаются концепции М. Я. Сюзюмова, дополняя ее тезисом о роли монастырей как торговых центров (особенно в крупных городах) и высняя причины их обогащения. В завершение статьи авторы ставят вопрос о необходимости исследования икон как экономического фактора (их непосредственная стоимость, связь с реликвиями, обеспечивавшая притяжение и циркуляцию населения и соответственно изменявшая экономическую значимость монастыря и т. п.).

В статье В. В. Бычкова «Философско-эстетические аспекты византийского иконоборчества» рассматривается отношение византийцев к иконам с эстетической точки зрения. Исследуя и внимательно прослеживая восприятие икон каждой из соперничавших партий и аргументацию ими своего поведения, Бычков приходит к выводу, согласно которому спор между ними — в теоретической плоскости — не мог быть закончен, так как «диалога», собственно, не происходило: каждая из сторон приводила свои доводы, не отвечая на «доводы» противника. Иконоборцы акцентировали проблему, почему *не дозволено* изображать божество художественными средствами, а иконопочитатели — отчего это *необходимо делать*. Основной причиной такого расхождения автор считает различие в понимании борющимися партиями самой идеи изображения. Так, утверждение иконоборцев о его идентичности с архетипом (что влекло за собой упреки иконопочитателям и одновременное обвинение их в несторианстве и монофизитизме) было непонятно и неприемлемо для последних, ибо они были воспитаны на теориях неоплатоников и Псевдо-Дионисия Ареопагита, в соответствии с которыми между архетипом и его изображением таковая отсутствует.

В статье К.-Г. Бернгардта «Запрет изображений в Ветхом завете и у древних евреев» предпринят анализ ветхозаветных воззрений относительно поклонения изображению божества. Основной вывод автора — несоответствие двух традиций: запрета поклоняться изображению Яхве и возможности такого поклонения изображением других божеств, например Ашеры (очевидно, женский коррелят Яхве). Эта двойственность нашла отражение и непосредственно в существовании или отсутствии изображения божеств. Примечательно, что в эпоху эллинизма иудеи не всегда строго подчинялись запрету изображать живые существа (на стенах синагоги в Бет Алфа обнаружены изображения животных, людей и целых библейских сцен).

Г. Штрамайер («Византийское и иудейско-исламское иконоборчество») исследует вопрос о возможном влиянии исламского «иконаборчества» на представления византийцев о допустимости изображать божества. Действительно, время издания «иконокластских» эдиктов Льва III и халифа Язида II почти совпадает, что ставит не только позднейших исследо-

вателей, но и современников видеть в действиях византийского императора подражание дурному примеру «неверных». Однако Штрамайер, изучив исторические корни запрещения исламом изображать живые существа, устанавливает большую близость этих запретов к иудейским воззрениям. При этом он специально отмечает, что мусульманский запрет касался изображения вообще всех живых существ, тогда как византийцы распространяли его лишь на изображения Христа, богородицы и т. п. . . . Таким образом, автор отвергает гипотезу о генетическом родстве между византийским и мусульманским «иконаборчеством», подчеркивая и тот факт, что василевсы-иконаборцы вели войны с «иконаборцами»-халифами.

Предположения о том, что византийское иконоборчество генетически связано с ересью павликиан, отклоняется М. Лоосом в статье «Движение павликиан и иконоборчество». Автор противопоставляет воззрения павликиан и иконоборцев по основному вопросу — касательно взаимоотношения церкви и государства. Это главное несоответствие во взглядах (иконаборцы пытались реформировать церковь и подчинить ее государственной власти, а павликиане прилагали все усилия к тому, чтобы придать ей надгосударственный характер и притом уподобить — в организационном плане — общине первых веков христианства) представляло, по мнению автора, препятствие, которое никогда бы не позволило иконоборчеству и павликианству слиться друг с другом. Примечательно в этой связи также и то, что, несмотря на иконоборческую позицию Никифора I и Льва V, их отношение к павликианам было диаметрально противоположным, да и сами павликиане, жившие на восточных границах империи, менее всего тяготели к иконоборческим императорам Константинополя, а, напротив, переходили под власть мусульман.

В статье «Иконоборчество и армия» М. Шпрингер освещает акты изъятия императорами-иконаборцами монастырских сокровищ как средство, необходимое для содержания войска. Не только в Византии, отмечает он, но и на Западе императоры в это время прибегали к подобным акциям и в равной мере были порицаемы за это хронистами — как современниками, так и потомками (причину этой политики Шпрингер усматривает в экономическом упадке). Кроме того, на это же время приходится образование стратиготских поселений, создание которых тоже требовало денежных затрат. Подобные поселения, указывает автор, возникли тогда и на границах Византии с мусульманским миром — у арабов.

Третье тематическое направление представлено в сборнике статьями В. Тыпковой-Займовой, Ю. Думмера, Г. Хендлера, Г. Видрандерс и И. Ирмшера.

В. Тыпкова-Займова в статье «Влияние иконоборчества на развитие византийско-болгарских отношений» считает, что фактически никакого политического влияния, собственно, не наблюдалось, однако обращает внимание на необходимость учитывать, что столкновения императоров,

иконоборцев и «иконодулов» с «варварами» получили соответственно различную оценку у хронистов. Хотя в целом политика тех и других в отношении Болгарии оставалась неизменной (на этот период приходится византийско-болгарские войны), однако поражения императоров-иконоборцев характеризуются хронистами как кара господня за недостаточное благочестие, а неудачи императрицы Ирины (иконопочитательницы) всячески сглаживаются.

Ю. Думмер в статье «К вопросу об отражении иконоборчества в византийской агиографии» ставит вопрос о том, в какой мере памятник житийной литературы может служить источником по истории иконоборческого движения. Поскольку агиографическая литература в целом — это совокупность повествований об отдельных лицах, помещаемых в конкретную ситуацию, постольку анализ таких ситуаций применительно к житиям, действие которых развертывается в эпоху иконоборчества, поможет, по мнению автора, выявить восприятие их создателями описываемого ими времени. В этом плане Думмер исследует материал 19 соответствующих житийных памятников.

Статья Г. Хендлера «Влияние византийского иконоборчества на церковную политику пап (до Франкфуртского собора 794 г.)» и Г. Видерандерс «Влияние иконоборчества на развитие искусства в государстве Каролингов» объединяет «исходный пункт», а именно рассмотрение иконоборчества со стороны Запада. Г. Хендлер, исследовавший отношение пап к событиям в Константинополе, приходит к заключению, что их отрицательная реакция во многом была обус-

ловлена желанием отвлечь внимание франков от Византии и сделать их своими союзниками: ведь Франкское государство к тому времени представляло значительную силу. Однако попытка папы Адриана I столкнуть Карла Великого с Империей ромеев (использовав для этого расхождения во мнениях относительно иконопочитания, которые наблюдались ранее) не увенчалась успехом. В качестве «ответа» на решения Константинопольского собора 787 г. о восстановлении иконопочитания тот «опубликовал» *Libri Carolini*, в которых с осуждением отзывался о поклонении иконам. Этот же источник исследовался Г. Видерандерс для выяснения отношения поданных Карла Великого к изображениям. Исследовательница выделяет специфику восприятия образа императором и его последователями. На «Западе» видели в изображениях прежде всего украшения, а их функцию усматривали в том, чтобы напоминать о прошедших событиях и умерших людях, но не поклоняться им. Видерандерс проанализировала также иллюминированные рукописи: изображения святых там постоянны, но особенно разнообразными они становятся в правление Людовика Благочестивого.

Завершает сборник статья И. Иршера о восприятии византийского иконоборчества историками эпохи Просвещения. Изучив воззрения Вольтера и Монтескье, Шлецера и Гиббона, автор приходит к выводу, что к этому времени существовало множество точек зрения на Византию: единой «концепции Византии» не сложилось, а соответственно отсутствовало единство в оценках иконоборчества.

Н. Сериков

Maximus Confessor. Actes du Symposium sur Maxime le Confesseur. Fribourg, 2—5 sept. 1980/Ed. par Felix Heinzer et Christoph Schönborn. Fribourg, 1982 (Paradosis: Etudes de littérature et de théologie anciennes, t. XXVII). 420 S.

Собравшийся в сентябре 1980 г. международный симпозиум, посвященный изучению творчества выдающегося византийского мыслителя VII в. Максима Исповедника, — первый научный форум такого рода. На нем было заслушано 30 докладов и сообщений, сделанных учеными, представляющими различные европейские страны (Швейцарию, Францию, Италию, Грецию и т. д.) и США. Материалы симпозиума были опубликованы в серии «Paradosis», хорошо известной изданиями в ней монографиями по истории христианства.

Симпозиум открылся докладом И. Г. Дальме «Проявление Слова в человеке и церкви. Антропологическая и экклесиологическая типология согласно Вопросам к Фалассию и Мистагогии». Этого французского ученого вслед за Г. У. Бальтазаром можно назвать пионером современного «максимоведения». Принадлежащие перу И. Г. Дальме около 20 статей, в которых исследуются различные аспекты мировоззрения Максима Исповедника, а также высказываются ряд важных замечаний относительно хронологии его произведений, вполне равно-

значны объемистому фолианту в несколько сот страниц. В отличие от Г. У. Бальтазара, снижавшего научную известность своим философско-синтетическим осмыслением и изложением системы этого византийского богослова и философа и работающего как бы в «монументальном жанре»¹, излюбленный жанр И. Г. Дальме — «миниатюра», тонкие и изящные изыскания, посвященные либо анализу ведущих тем и мировоззренческих интуиций Максима Исповедника, либо тщательному исследованию какого-либо

¹ См.: *Balthasar H. U. von. Kosmische Liturgie. Maximus der Bekenner: Höhe und Krise des griechischen Weltbildes. Freiburg, 1941.* Будучи историком христианства (и крупным католическим богословом), Бальтазар отнюдь не чужд и тщательных историко-филологических штудий; примером может служить выполненный им скрупулезный анализ «Богословских и домостроительных глав». См.: *Balthasar H. U. von. Die «Gnostischen Centurien» des Maximus Confessor. Freiburg, 1941.*